

Его бесцеремонно подхватили под мышки и опустили в огромную деревянную бадью. Вода оказалась на удивление приятной — как раз такой температуры, чтобы согреть замерзшее тело.

Дин Тянь тем временем аккуратно забрал его грязное тряпье, уложил в плетеный ивовый короб и, наклеив бумажную печать с номером, пристроил в глубокую ячейку стеллажа, занимавшего всю стену. Никаких имен — только безликие цифры.

Всё это молодой главный тюремщик продумал до мелочей. Прежнюю пыточную он переоборудовал в камеру хранения. Уездное начальство всё равно поскупилось на дыбы да клещи, так что юноша рассудил просто: пусть их тюрьма будет особенной, без застенок и истязаний. Да и проверок никто не устраивал. Господин Ма сидел в своем кресле без малого полгода, но вряд ли догадывался, в какую сторону открываются ворота тюрьмы.

Ван Цзо сидел в бадье, замерев от неловкости, пока главный тюремщик усердно орудовал жесткой щеткой. На самом деле под видом мытья Дин Тянь проводил обыск, проверяя, не утаил ли арестант чего опасного в складках кожи или волосах. Вымыв гостя дочиста, он вручил ему чистую, хоть и поношенную робу. Ван Цзо пощупал плотную ткань и одобрительно кивнул:

— А одежда у тебя на удивление теплая.

— Была бы тонкой, в лютый мороз околеть недолго, — отозвался Дин Тянь. Он распустил длинные мокрые волосы постояльца и протянул ему полотенце: — Насухо вытри и обмотай голову, чтобы не просквозило.

Ван Цзо послушно исполнил наказ. После этого его вывели из бывшей пыточной и проводили в камеру.

Внутри было тепло, но не душно. На чистом деревянном столе высился объемистый кувшин с водой и стояла глубокая глиняная пиала. Масляная лампа горела снаружи, в коридоре — по законам империи держать открытый огонь в камерах строго запрещалось.

Ван Цзо коснулся ладонью кана — кирпичная лежанка приятно грела руку. Сверху была постелена свежая циновка, аккуратной стопкой высилось чистое одеяло. Даже обогревающая стена пыхала мягким, сухим жаром. Судя по крепким рамам и планировке, уездный острог был совсем новым. Совсем новым... и этот забавный, даже миловидный маленький тюремщик.

Он налил себе чашу воды. Вода оказалась теплой и чистой — посреди морозной ночи настоящий подарок. Под рукой не было ни серебряной иглы, ни мыши, чтобы проверить питье на яд, да и отыскать здесь ядовитую гадину не представлялось возможным: повсюду царила образцовая чистота — ни крыс, ни даже захудалого таракана. И неудивительно: с тех пор как острог отстроили заново, Ван Цзо стал его первым жильцом. Дин Тянь отмыл каждый угол до

такого блеска, что здесь не прижилась бы ни одна живая тварь.

Стены сияли свежей побелкой: известь не только убирала тюремную серость, но и отлично защищала от сырости и паразитов. Ван Цзо прекрасно знал суровые острожные нравы. Не дав главному тюремщику ни единого медного гроша, он получил чистую теплую обитель. С чего бы такая щедрость?

«Неужто этот малый о чем-то догадывается?»

Ван Цзо прищурился, взвешивая эту мысль. Погрузившись в невеселые думы, он неосознанно пригубил теплую воду. Обычный кипяток, без единого чайного листа, но в зимнюю стужу он казался лучше изысканного нектара.

И лишь сделав несколько глотков, он вдруг опомнился.

«Я выпил воду из чужих рук, даже не проверив её...»

Он невольно усмехнулся собственной беспечности. Острог определенно расслаблял.

Ван Цзо стал первым постояльцем, отведавшим тюремного гостеприимства, но далеко не последним. Следующим под раздачу попал Ван Юдэ.

Этот тщедушный господин выглядел весьма опрятно, да и одет был в приличное платье. Вот только на протяжении всего умывания он безутешно плакал. Беззвучно, горько, словно оплакивая собственную кончину. Чэн Да и Лю Сэнь, вынужденные оттирать его в четыре руки, извелись от этого тоскливого воя.

Язвительный Лю Сэнь в конце концов не выдержал и в сердцах сплюнул:

— Мать твою! Я родному сыну спину ни разу не тер! Мечтал, что если и придется впервые в жизни мочалкой чужое тело тереть, так это будет хоть смазливая девка или бабенка пофигуристей. А тут ты, старый хрен! И ведь воешь без умолку! С какой радости сырость развел? Мне-то тогда кому плакаться?!

Чэн Да высказался проще, бросив сквозь зубы прямо в мокрое лицо арестанта:

— Наказание господне!

Неизвестно, кем раньше промышлял Ван Юдэ, но кости у него были тонкие, а тело — изнеженное. Сразу видно, тяжелого труда этот господин никогда не знал. Кожа бледная, на подошвах ни намека на натоптыши — верный признак сытой, праздной жизни. Пальцы тоже оставались гладкими, без единого цыпленка или следа зимней стужи. Лишь на сгибах

указательного и большого пальцев желтели едва заметные уплотнения — верный знак того, что постоялец привык держать кисть, а не плуг.

Дин Тянь привел плаксу в порядок и препроводил в камеру по соседству с Ван Цзо.

Оказавшись в тепле, Ван Юдэ наконец унял слезы. Он самостоятельно налил себе воды, жадно напился и даже справил нужду в чистом отхожем месте. Убедившись, что условия здесь человеческие, он понемногу успокоился. Сняв с головы мокрое полотенце и хорошенько высушив волосы, несчастный залез под пуховое одеяло и, забыв обо всех невзгодах, крепко заснул.

Пожалуй, из всей троицы этот писарь оказался самым сговорчивым. Зато с Ху Мацзы наплакались вдоволь.

— Я человек простой, лесной, мне эти ваши бани без надобности! — пробасил он, упираясь всеми силами. — Смерть как спать хочу! В люльку мне надо, а не в корыто!

Вся его повадка, грубый говор и заношенное платье выдавали в нем дремучего мужлана.

— Не положено, — отрезал Дин Тянь. — Не вымоешься, не сменишь тряпье — завтра останешься голодным. А на завтрак у нас, между прочим, пышные пампушки из пшеничной и ячменной муки, жареные шкварки с соленой редькой и целая бадья горячей кукурузной каши.

Ху Мацзы шумно сглотнул набежавшую слюну, но упрямо буркнул:

— Всё равно... бани вашей не приму.

Тут уж Дин Тянь нахмурился:

— Придется. У меня здесь не постоянный двор.

— А вот хрен тебе! — оскалился верзила, явно собираясь пустить в ход кулаки.

Но Чэн Да церемониться не стал. Разозлившись, он с ходу всадил бунтарю тяжелый сапог прямо в грудину. Силы Чэн Да было не занимать, Дин Тянь по сравнению с ним казался тростинкой, да и сам Ху Мацзы не мог потягаться с его богатырским сложением. За два года казенной службы Чэн Да растерял всю былую крестьянскую мягкость. К тому же после недавней поездки в управу, где он, сжав зубы от жадности, раскошелился на взятки служакам управы ради секретов ремесла, он набрался весьма полезного опыта.

И сейчас эти знания пришлись как нельзя кстати. Едва Ху Мацзы рухнул на пол, Лю Сэнь коршуном бросился вперед. Одним резким движением он свернул упряму челюсть, а затем с

хрустом вывернул плечевые суставы. Теперь буян мог разве что ногами перебирать.

После этого оба стражника навалились на пленника. Дин Тянь лишь рот открыл от изумления:

— Эй, полегче вы! Остыньте немного!

Ху Мацзы только мычал, роняя на пол вязкую слюну: с вывихнутой челюстью членораздельных звуков из него было не выдавить. У этого дюжего детины глаза налились кровью от ярости и стыда, когда Чэн Да и Лю Сэнь принялись безжалостно сдирать с него заношенное тряпье...

Если с Ван Цзо и Ван Юдэ они обошлись относительно мягко, то здесь стражники проявили поистине волчий напор. Какая уж тут нежность! Впрочем, этот разбойник деликатности и не заслуживал. Чэн Да, срывая с него штаны, злобно костерил упряма:

— Ублюдок паршивый! Тянь-эр ради вас, душегубов, посреди ночи спину гнул, дрова колот да воду грел! Всё ради вашей же шкуры! Другие арестанты о таком тепле и мечтать не смеют, а ты еще харю воротишь? Ну погоди, я тебя в этой лохани как жирного хряка ошпарю!

Лю Сэнь тоже кипел от негодования. По правде говоря, баловать колодников горячей водой мог додуматься только мягкосердечный Дин Тянь. Сам бы Лю Сэнь давно сорвал с разбойника обноски да окатил из ведра ледяной колодезной водой — и дело с концом!

Однако стоило последним лохмотьям упасть на пол, как оба стражника покрылись испариной. В подкладке куртки Ху Мацзы таился компактный самострел со спущенной тетивой, а за пазухой обнаружился бамбуковый футляр в ладонь длиной. Из него со стуком выпало несколько коротких болтов с почерневшими от яда наконечниками.

— Опасный гад, — помрачнел Дин Тянь, разглядывая смертоносные игрушки. — Топите его в бадье.

Стражники без лишних нежностей подхватили детину, швырнули в бадью, прижали ко дну и плеснули из котла горячей воды.

— Мо-о ве-е... де-едовские... шобы защи-и... А-а-а-а! — взвыл Ху Мацзы. Вода оказалась слишком горячей, и кожа здоровяка мгновенно пошла багровыми пятнами.

— Для защиты? И от кого ты собрался защищаться в камере? — Дин Тянь взял другую щетку, пожестче. Одно движение — и с разбойника пластами посыпалась вековая грязь. Процедура была болезненной, но действенной. — Не от меня ли ты обороняться вздумал, любезный?

Ху Мацзы промолчал, лишь бешено вращая налитыми кровью белками. Лишенный одежды и скрытого оружия, он быстро растерял прежнюю спесь.

Но стоило Дин Тяню распустить его свалявшиеся волосы, как на пол со звоном выпала тонкая пилка! А следом за ней — два длинных граненых гвоздя. Дин Тянь окончательно помрачнел:

— Да ты у нас, я вижу, с двойным дном! Еще что припрятал?

Такой пилкой можно без труда перепилить звенья цепи или засов, а гранеными гвоздями — заколоть стражника в темноте. Действительно, матерый душегуб.

Впрочем, все ухищрения пошли прахом. Разбойника отдраили дочиста, нарядили в добротную робу, а изъятые пожитки опечатали и заперли в сундуке.

Обмотав голову полотенцем, Ху Мацзы поплелся вслед за стражниками в свою камеру. Переступив порог, детина ошалело захлопал глазами. И вовсе не от убожества застенков — комната сияла чистотой, ни соринки. И то верно: Дин Тянь содержал острог в идеальном порядке, а перед прибытием этапа самолично вымел каждый угол. Для самого главного тюремщика это были обычные, скромные условия, но в глазах закоренелого таежного волка подобная камера казалась верхом роскоши.

Однако у Ху Мацзы совесть была нечиста. Такая забота лишь тревожила душу.

«С чего бы тюремщикам так ублажать обычного разбойника? Не к добру это...»

Он огляделся. По ту сторону прохода тянулись другие камеры, занавешенные плотными плетеными циновками, защищавшими от сквозняков и зимней стужи. Всё это разительно отличалось от сырых и зловонных ям, в которых ему доводилось бывать прежде. Даже первая комната показалась ему верхом уюта, но эта теплая камера превзошла все ожидания.

Вот только попутчиков нигде не было видно. Окликнуть их? Страшно выдать себя. Промолчать? Но в этом незнакомом месте он чувствовал себя потерянным, не зная, куда делись остальные. На самом же деле Ван Цзо сидел прямо за его стеной, а дальше обустроился Ван Юдэ. К слову, Ван Цзо досталась самая лучшая камера — в самом центре коридора, убереженная от сквозняков с обеих сторон.

Ху Мацзы досталась угловая камера. И хоть стена ее выходила на южную сторону, здесь все равно было прохладнее. У Ван Юдэ соседние помещения пустовали: Дин Тянь хоть и протопил там лежанку, но обогревающую стену разжигать поскупился.

Разместив постояльцев, Дин Тянь с наслаждением потянулся, хрустнув суставами:

— Ну, слава богу, управились.

— Тянь-эр, ну ты и ловок! — Чэн Да восхищенно показал большой палец. — Сразу видно — отцовская школа. Покойный дядя Дин в свое время тоже в остроге каждым шорохом

заправлял.

Дин Тянь усмехнулся:

— Да я просто чистоту люблю. Сами знаете, у некоторых постояльцев привычки скверные, приходится их с порога к порядку приучать.

За время этой суматохи все трое изрядно взмокли. Наведя в предбаннике порядок, Дин Тянь вывел помощников во двор:

— Время к рассвету, задерживать вас не стану. А завтра жду вас в трактире «Ароматное Изобилие» — с меня причитается!

Он снял с крючьев под застрехой два увесистых куска вяленой грудинки и протянул по одному каждому:

— Вот, возьмите к домашнему столу. Свинина своя, жирная, как раз к похлебке.

— Ну, от такого гостинца грех отказываться, — заулыбались стражники.

По правде говоря, гнуть спину посреди ночи за простое «спасибо» дураков не было. И пусть они пришли на выручку сородичу по клану, вел бы себя Дин Тянь как ни в чем не бывало — в следующий раз они бы точно сослались на занятость.

Дин Тянь и сам понимал: с надежными помощниками дело спорится куда быстрее, особенно когда нагрянул такой непростой этап. Да и родственные связи в уезде — дело первое.

Распрощавшись с парнями, главный тюремщик наконец вернулся в свою теплую каморку. Сняв пропотевшую насквозь нательную рубаху, он наскоро обтерся горячей водой из таза. Идти в баню сил уже не оставалось, но смыть липкий пот было необходимо. Когда он закончил, на востоке уже вовсю разгоралась утренняя звезда. Ложиться спать теперь не имело смысла. Прислонившись к теплему кану, Дин Тянь задумался: чем же накормить этих троих на их первый тюремный завтрак?

<http://bllate.org/book/19387/1997474>